

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ»

В статье рассматриваются экзистенциальные проблемы человека в ситуации «Третьей волны» (Э. Тоффлер). В качестве ключевой проблемы – экзистенциального вызова – рассматривается тяготение к смерти человека, прежде всего, как универсального существа. Анализируется возможность создания концепции экзистенциальной безопасности и концепции спасения человека.

Ключевые слова: «Третья волна», экзистенциальный вызов, экзистенциальная безопасность, комфорт, смерть, спасение, бессмертие.

У статті розглядаються екзистенціальні проблеми людини в ситуації «Третьої хвилі» (Е. Тофлер). В якості ключової проблеми – екзистенціального виклику – розглядається тяжіння до смерті людини, перш за все, як універсальної істоти. Аналізується можливість створення концепції екзистенціальної безпеки та концепції спасіння людини.

Ключові слова: «Третя хвиля», екзистенціальний виклик, екзистенціальна безпека, комфорт, смерть, спасіння, безсмертя.

It goes about the existential human problems in the context of the « Third wave» in this article (A.Toffler). As a major problem of existential challenging -one observes the attraction to the man`s death, in the first place, as a cross functional being. The possibility of existential security intention and a concept of the man`s salvation are analyzed here.

The keywords: the «Third wave», the existential challenge, the existential security, the comfort, the death, the salvation, the immortality.

Контекстом для рассмотрения экзистенциальных проблем современного человека является повседневность новой информационной эпохи (постиндустриального общества, общества «Третьей волны» (Э. Тоффлер) [1]). Широкий разноаспектный интерес к проблеме общества «Третьей волны» (предпочтем использовать этот термин как более нейтральный и емкий; соответственно, первые две волны – аграрная и индустриальная) возник в середине прошлого столетия. Э. Тоффлер, Д. Белл, М. Кастельс, Й. Масуда, М. Маклюэн одними из первых занялись изучением проблемы влияния развития высоких технологий на культуру, общество, человека. Среди основных черт новой эпохи в социогуманитарном научном дискурсе традиционно принято выделять: стремительное нарастание объемов информации; интенсификацию производства знаний и технологий (в т. ч. «опасных»); появление новой культуры с более полной реализацией принципа свободы; глобализацию коммуникации; виртуализацию общества; формирование его сетевой структуры (крушение иерархий) и др.

Эти и другие изменения порождают ряд специфических, по мнению многих современных исследователей, экзистенциальных проблем, рисков, вызовов, с которыми сталкивается человек общества «Третьей волны». Если не останавливаться на частных и прикладных формулировках проблем, вроде «абсурдность отношений», «виртуальный Я и виртуальный Другой», «утрата границы реальности», «свобода

виртуального выбора», «одинокость в сети» [2], то основной вопрос, беспокоящий сегодня философские умы, можно сформулировать так: могут ли те воздействия, которым подвергается человек в ситуации «Третьей волны», коренным образом переформатировать его человеческую природу, касаясь, в том числе, и ее экзистенциальных оснований?

Если быть верным экзистенциальному методу, то, в конечном счете, любые производные экзистенциальных проблем сводятся к проблеме человека, которую можно охватить четырьмя конечными данностями: смертью, свободой, одиночеством (изоляция) и бессмысленностью [3, с. 12–13]. (Э. Тоффлер упоминает об основных потребностях любой личности: потребность в общности, структуре и смысле [1, с. 602], которые, в принципе, сводятся к упомянутым выше данностям).

С позиций экзистенциальной философии говорить об особенностях экзистенциальных проблем человека «Третьей волны» – проблем вечных – возможно лишь в контексте особенностей ситуации общества третьей волны как ситуации экзистенциальной.

Ситуацией в экзистенциальной философии называется «...не только сообразная законам природы или же чувственно данная действительность, являющаяся конкретной действительностью, не только психически или лишь физически, но в обоих смыслах одновременно, означающая для моего бытия преимущество или вред, возможность или преграду. ... Идея конечности человеческого существования придает понятию ситуации определенную остроту» [4, с. 81]. К. Ясперс вводит также понятие «пограничной ситуации». Таковые отличаются тем, что «...под напором их реальности человеку становится сомнительным основание любого знания и действия, что в них открывается ущербность, способная – поскольку человек не закрывает искусственно на них глаза – потрясти его жизнь до самых основ. В пограничных ситуациях человек поставлен перед лицом глубокой тревожности своего бытия» [4, с. 86]. К. Ясперс рассматривал ситуации борьбы, страдания, случайности, страха, вины и др. Но наиболее мощной является ситуация перед лицом смерти.

Особенность ситуации «Третьей волны» в ее конкретной действительности, на наш взгляд, улавливается в работах Э. Тоффлера «Третья волна» [1], «Шок будущего» [5], ценных масштабом охвата аспектов жизнедеятельности человека и общества и обилием эмпирического материала. Хотя, следует отметить, автор не прорабатывает метафизическую составляющую в своих трудах, тем не менее, повседневность, в изобилии описываемая автором в духе обозначенных им глобальных тенденций, содержит проекции конечных экзистенциальных данностей.

Одна из причин, угрожающих членам общества «Третьей волны», кроется, по мнению Э. Тоффлера, в том, что существует некий предел изменений, который может вынести человеческий организм в своем психофизическом единстве. С этих позиций особенность ситуации «Третьей волны» состоит в том, что современные темпы изменений (источником которых служат технологии), вторгающихся в жизнь обывателя, превышают адаптивные возможности человека. Задачи адаптации, как полагает Э. Тоффлер, находятся, прежде всего, в области психики: «Источником большинства осаждающих нас проблем, в том числе шока будущего, являются не неумолимые силы природы, а созданные человеком процессы, которые, по крайней

мере, потенциально подвластны нашему контролю» [5, с. 403].

Предельной реакцией на невозможность приспособления к многочисленным изменениям является смерть тела. О чем у Э. Тоффлера свидетельствуют примеры ряда социологических исследований. Тем не менее, как замечает П. С. Гуревич в предисловии к «Шоку будущего»: «Тоффлер не ставит вопрос о том, что такое психологическая норма. Он полагает, что человек, мало приспособленный к меняющейся реальности, психологически ущербен» [5, с. 8]. За пределами экзистенциальных измерений человеческой жизни суть «рецептов спасения» человека в его повседневном бытии у Э. Тоффлера сводится к обеспечению комфорта существования в вихре изменений, например, в виде островков стабильности.

Комфорт (как внутреннее удовлетворение от внешних условий), по сути, является идолом цивилизации. Передавая заботу о комфорте технологиям, развивающимся все более стремительными темпами, человек становится менее самодостаточным, что, в принципе, отмечает и Э. Тоффлер. В отличие от него, М. Маклюэн использует менее толерантную характеристику, называя процесс развития технологий самоампутацией [6, с. 84]. Жизненно важным вопросом для человека является то, каков предел этой самоампутации, после которого обратные изменения невозможны. Э. Тоффлер не ставит этот вопрос, считая, что «...даже если кто-то верит в некую постоянную человеческую природу (это – общераспространенная точка зрения, которой я не придерживаюсь), общество все же вознаграждает и вырабатывает определенные черты характера и наказывает другие, что приводит к эволюционным изменениям некоторых черт характера человека [1, с. 602]. Таким образом, Э. Тоффлер видит проблему не в качестве изменений (порождаемых развитием технологий) и их влиянии на человека, а прежде всего в их скорости и количестве. М. Маклюэн же говорит о цене такой адаптации. Анализируя опыты И. П. Павлова по выработке условных рефлексов у собак, он пишет: «Истинная и зловещая суть его открытия состоит в том, что всякая контролируемая окружающая среда, всякая рукотворная окружающая среда выступает как фактор приспособляемости, порождающий бессознательных сомнабул» [6, с. 81]. В опытах И. П. Павлова у собак вырабатывался рефлекс только тогда, когда они полностью адаптировались к лабораторным условиям. Для человека это означает то, что пределом самоампутации в высокотехнологичном обществе «Третьей волны» для него является самоампутация свободы воли. Когда и максимум своей воли (как максимум повиновения) он делегирует технологиям. «Они» – технологии – будут «лучше знать», что для человека «лучше», избавив его, таким образом, от дискомфорта ситуации выбора (а, следовательно, формально и от ответственности), закрывая тем самым одну из важнейших возможностей выхода за пределы повседневного существования. Замыкая повседневность, исключая из нее экзистенциальную данность свободы. Уничтожая человека как универсальное существо (несвободное не может быть универсальным) еще прежде реализации риска глобального физического самоуничтожения, который как никогда ранее актуализируется в «Третьей волне».

Довление технологий в условиях высочайших темпов их развития привносит в повседневность «Третьей волны» реальность перспективы уничтожения человечества

самим себя. Что, по сути, является самоубийством. Опустим пока экзистенциальный смысл этой проблемы, который для общества «Третьей волны» неочевиден (экзистенциальность порыва к самоубийству обусловлена проблемой смысла жизни в мире абсурда, а тема конечности человеческого существования, тема смерти – ключевая в экзистенциальной философии). В масштабах общества в контексте данной ситуации повседневности целесообразнее говорить об обществе самоуничтожения. Наиболее очевидный аспект этой проблемы – это физическое уничтожение человечества в результате глобальной катастрофы (техногенной, экологической). Безусловно, это привносит тревожность в ситуацию повседневности, превращая ее в пограничную ситуацию. Однако, дальнейшее осмысление экзистенциальных аспектов «шока будущего» неумолимо рисует картину уже не общества самоуничтожения, а общества самоубийц.

Громче всего об этом свидетельствует уже сегодняшнее законодательное разрешение (в некоторых странах) и философское оправдание эвтаназии. Эвтаназия, с позиции обывателя «Третьей волны», – это способ разрешить *дискомфортную* ситуацию телесных страданий в виду отсутствия смысла их продолжения.

Общество, в котором эвтаназия становится нормой, описано социальными фантастами. Так, в романе И. Ефремова «Час Быка» [7] члены общества планеты Торманс, в силу классового разделения, делятся на «кжи» и «джи»: короткожителю и долгожителю. Статус «кжи» человек получает в детстве в результате тестирования (даже оно производится машиной). «Кжи» не получают образования, работают только физически и обязаны умереть в Храме Нежной Смерти по наступлении двадцатипятилетнего возраста. «Джи» – учёные, техники, люди искусства, представляющие ценность для общества благодаря своим знаниям и талантам. Для обоснования государственной обязанности умирать для «кжи» была разработана соответствующая философия (базирующаяся на принципах комфорта). Если в логике Э. Тоффлера, общество планеты Торманс – это общество «Второй волны» и можно предположить, что такое варварство, как классовое неравенство и обязанность менее полноценных членов общества умирать, будет «смыто» «третьей волной» (хотя Э. Тоффлер отнюдь не пытается создать утопию), то можно ознакомиться с романами Ю. Вознесенской «Путь Кассандры или путешествие с макаронами» [8], «Паломничество Ланселота» [9]. В романе И. Ефремова очевидная несправедливость социального устройства с большей вероятностью может привести к ревизии социальных мифов для масс последними. В романах Ю. Вознесенской, события которых происходят в гораздо более узнаваемом для нас мире «Третьей волны», качество социальных мифов как своеобразной анестезии для масс возрастает, так как технологический мир несвободного человека формально справедлив. Например, направление на эвтаназию человек в романах Ю. Вознесенской может получить в результате комплексных медицинских анализов, которые определяют уровень здоровья и оптимальный срок комфортной жизни (уже сегодня в социальных сетях распространены в игровой форме тесты в стиле «Узнай дату своей смерти»). От эвтаназии – формально – возможен отказ, но на практике после отказа человек становится асом – асоциальным элементом, исключенным из сообщества (в идеальном бытии технологии не место человеческому фактору).

Первая и очевидная причина разработки государственной идеологии эвтаназии – нехватка ресурсов. И с одной стороны эта проблема в романе решается выпиской направления на эвтаназию для «больных», а для «здоровых» применяется анестезия (как обезболивающее после самоампутации) в виде знакомой нам виртуальной реальности, которая, в идеологии для масс, позиционируется как подлинная. Таким образом, практически исполняется предвидение Э. Тоффлера (правда, вряд ли в духе его подстрочного оптимизма), что «...самым важным (и неистощимым) сырьем для цивилизации Третьей волны станет информация, включая воображение. С помощью информации и воображения найдут замену многим истощимым ресурсам, хотя эта замена часто будет сопровождаться серьезными экономическими потрясениями» [1, с. 560]. (В фильме «Матрица» братьев Вачовски мы видим предельный вариант замещения необходимых человеку ресурсов виртуальной реальностью.)

Человек общества самоубийств в массе не протестует против эвтаназии, поскольку смысл (а мы помним, что это одна из четырех конечных экзистенциальных данностей), который заставляет терпеть любые страдания (пусть даже вызванные насморком), находится вне системы комфортных смыслов такого общества. Эта замкнутость комфортного общества является второй причиной (следствием?) разработки, распространения и приятия философии эвтаназии.

Именно приятие эвтаназии, на наш взгляд, и есть самой главной угрозой экзистенциальной деформации человека: «Эвтаназия стала знаком отрицания самого образа человека в качестве универсально целеполагающего существа, т. е. человека разумного, а тем самым указателем на «срыв» воспроизводственного процесса в основаниях культуры, на сдвиги бытийного статуса человека, на смещения всеобщих характеристик его отношения к миру по линии «роботизации», расчеловечивания и, в конце концов, на исключение человека в качестве человека разумного из состава бытия» [10, с. 38].

Итак, можно сказать, что особенность ситуации человечества «Третьей волны» состоит в том, что оно стоит перед лицом собственной смерти, как физической, так и собственно, смертью человека в человеке – антропологической, экзистенциальной катастрофой.

Экзистенциализму присуще понятие про «малую» и «великую» смерть, которое ярко отображается в экзистенциальной поэзии Р. М. Рильке: «Ведь мы – одна листва да кожа / а смерть великая есть плод нутра, / и в нас он – долгожданная нужда. / Лишь оттого и трудно умирать, / что нас не наша смерть идет прибрать. / Коль смерть свою не делаем мы зрелой, / другая мчит как вихорь озверелый» [11]. Малая смерть – это факт из мира повседневности. Недозревшее осознание тайны смерти не оставляет шанса для последнего экзистенциального прорыва перед ее лицом. Готовность безропотно, нерелексивно, добровольно принять безальтернативность этой малой смерти ведет человека к экзистенциальной антропологической катастрофе.

Именно этот экзистенциальный вызов принимают сегодня философы, желающие «спасти» человека и человечество (однако строгий научный метод здесь бессилён, экзистенциальные проблемы решаются с помощью мировоззрения, в пределе своем – религиозного). Например, осознавая эту особенность жизни на грани, С. А. Смирнов, С. С. Хоружий (развивает концепцию синергичной антропологии), Г. Л. Тульчинский,

Ф. И. Гиренок, С. П. Гурин и др. развивают концепцию человека перехода.

Концепция человека перехода предполагает новую методологию, сущность которой, по мнению С. А. Смирнова, заключается в том, что в современной социокультурной ситуации идея центра перестает быть плодотворной (сеть заменяет иерархию в общественной организации, а идентичность конструируется ситуативно). Поэтому необходимо выходить на границы бытия, анализировать, как проявляет себя человек как граничное существо. Обычный центр, через который понимается человек, отодвигается на периферию его бытия, и на первое место становится его граница, которая и становится центром самоопределения человека. В отдельном (но ключевом!) случае антропологическая граница невозможна без идеи Бога [12, с. 100–103].

Очевидно, что современный человек, «потерявший Бога», но неудовлетворенный перспективой смерти, испытывает острую нужду в виде различных концепций спасения, которые создадут возможность решения экзистенциальных проблем. Но для этого случая экзистенциальная философия сформулировала предупреждение, суть которого в том, что наше творческое богатство даже в мире духа и культуры, которое «настолько благоприятно для движения и усиления жизни, настолько способно затрагивать человека в его глубинах, что возможность открытия, свидетельствующего, что и это еще является для человека внешним и что он способен здесь себя «потерять», если примет эту сферу за нечто окончательное, оказывается совсем невелико. В своей глубочайшей возможности такое имеет место даже внутри самой человеческой души» [4, с. 38]. Поэтому существует колоссальный риск создания слишком человеческой – *комфортной* религии.

Еще более велик этот риск у тех, кто работает над концепцией «экзистенциальной безопасности» (см., например, [13]), в поле задач которой иной раз прямо звучат идеи создания синкретической (а значит, неминуемо – рациональной и комфортной) религии. Такой формулировке противится даже языковая интуиция, ведь, как было сказано выше, экзистенциальные проблемы невозможно решить с помощью рациональных методов, а безопасность – это слишком рациональная категория, не выдерживающая поединка с экзистенциальной данностью смерти, которая «ввергает жизнь в крайнюю незащищенность» [4, с. 137].

Что же касается концепции *спасения* (или таковой, которая явно или неявно опирается именно на эту категорию), то, если учесть, что необходимость создания таковой стала осознанной в рамках европейской, а в своих истоках – христианской культуры, то самое большее, что здесь возможно человеку, стоящему на границе своего существования, – это перевести на язык современности... Евангелие.

Следует заметить, что в ситуацию повседневности риск создания комфортной религии проецируется как комплекс мессии – иллюзия, «что мы можем каким-то образом спастись, изменив человека наверху» (речь у Э. Тоффлера идет о политическом лидере) [1, с. 630]. (Невозможно не заметить, как поразительно точно Э. Тоффлеру казывает на проекции экзистенциальных проблем, и как тут же профанирует их экзистенциальный смысл.) Однако, если комфортная религия предполагает наличие духовного лидера, то максимум комфортного «спасения» предполагает слияние политического и духовного лидерства в лице одного человека.

Который, увы, согласно Евангелию, будет Антихристом.

Итак, в ситуации «Третьей волны», в повседневности, профанирующей конечно экзистенциальные данности, пропитанной тяготением к смерти, главным экзистенциальным вызовом для человека является то, готов ли он признать ее – смерти – безальтернативность? Большая вероятность добровольного приятия смерти составляет главную угрозу экзистенции. Но откуда и кто бросает этот вызов человеческой экзистенции? К бессмертию человека может взывать только бессмертный господь Бог.

Литература:

1. *Тоффлер Э.* Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 776 с.
2. *Баева Л. В.* Экзистенциальные риски информационной эпохи / Л. В. Баева // Информационное общество. – 2013. – № 3. – С. 18–28.
3. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом ; пер. с англ. Т. С. Драбкиной. – М. : Независимая фирма «Класс», 1999. – 576 с.
4. *Больнов О. Ф.* Философия экзистенциализма: философия существования / О. Ф. Больнов, С. Э. Никулин, Ю. А. Сандулов. – СПб. : Лань, 1999. – 222 с.
5. *Тоффлер Э.* Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557, [3] с.
6. *Маклюэн М.* Война и мир в глобальной деревне / Маршалл Маклюэн, Квентин Фиоре ; пер. с англ. И. Летберга. – М. АСТ: Астрель, 2012. – 219 с.
7. *Ефремов И. А.* Час быка : научно-фантастический роман / И. А. Ефремов. – М. : Дружба народов, 1995. – 431 с.
8. *Вознесенская Ю.* Путь Кассандры или путешествие с макаронами / Ю. Вознесенская. – М. : Вече, 2012. – 592 с.
9. *Вознесенская Ю.* Паломничество Ланселота / Ю. Вознесенская. – М. : Вече, 2012. – 640 с.
10. *Рыбин В. А.* Философские основания проблемы эвтаназии: методологический анализ : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.01 / Ур.гос. ун-т им. А.М. Горького Екатеринбург, 2006 52 с. : 9 06-9/597-0 9 06-9/598-9
11. *Рильке Р. М.* Часослов. Часть III – Книга о нищете и Смерти (1903) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.sky-art.com/rilke/poetry/prayer_book/prayer_book3_1_ru.htm
12. *Смирнов С. А.* Словарь антропологии перехода / С. А. Смирнов // Философские науки. – 2008. – № 12. – С. 97–119.
13. *Горлинский В. В.* Экзистенциальная безопасность как парадигма сохранения человеческого существования [Электронный ресурс] / В. В. Горлинский / Философская мысль. – № 2. – 2015 г. // Режим доступа : http://e-notabene.ru/fr/article_14351.html

Надійшла до редакції 17.11.2015. Розглянута на редколегії 24.11.2015

Рецензенти:

Доктор філософських наук, професор, завідувач кафедри філософії Харківського національного університету будівництва та архітектури Проценко О.П.

Доктор філософських наук, професор, декан гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М. Є. Жуковського «ХАІ» Копилов В.О.